

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН
БИОГРАФИЯ

ХАМФРИ КАРПЕНТЕР

Толкин – творец Средиземья

Хамфри Карпентер

Джон Р. Р. Толкин. Биография

«Издательство АСТ»

1977, 1978, 1982

УДК 821.111.09 Толкин Д.
ББК 83.3(4Вел)-8 Толкин Д.

Карпендер Х.

Джон Р. Р. Толкин. Биография / Х. Карпендер — «Издательство АСТ», 1977, 1978, 1982 — (Толкин – творец Средиземья)

ISBN 978-5-17-126983-8

Хамфри У. Б. Карпендер (1946–2005) – английский биограф, писатель и радиоведущий. Кроме широко известной «Биографии» Дж. Р. Р. Толкина (1977), написал «Инклинги» (1978), биографии У. Х. Одена, Эзры Паунда, Ивлины Во и других известных личностей. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111.09 Толкин Д.
ББК 83.3(4Вел)-8 Толкин Д.

ISBN 978-5-17-126983-8

© Карпендер Х., 1977, 1978, 1982
© Издательство АСТ, 1977, 1978, 1982

Содержание

Примечание автора	6
1	7
2	10
1	10
2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Хамфри Карпентер

Джон Р. Р. Толкин. Биография

© The Estate of the late Humphrey Carpenter, 1977, 1978, 1982

© Перевод. А. Хромова, 2020

© Перевод стихов. С. Лихачева, 2020

© Перевод стихов. К. Королев, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Посвящается памяти ЧКБО

Примечание автора

Эта книга основана на письмах, дневниках и других бумагах покойного профессора Дж. Р.Р. Толкина, а также на воспоминаниях его родных и близких.

Сам Толкин не очень-то одобрял биографии. Точнее сказать, ему не нравилось, когда биографию превращают в разновидность литературоведческого исследования. «Я абсолютно уверен, – писал он в свое время, – что изучать биографию автора ради того, чтобы понять его труды, – дело пустое». Однако он не мог не сознавать, что, раз его произведения пользуются такой колоссальной популярностью, вероятность написания биографии после его смерти весьма велика. И, похоже, Толкин понемногу сам собирал материалы для этой будущей биографии: в последние годы жизни он снабдил множество старых писем и прочих бумаг пояснениями и комментариями. Кроме того, он написал несколько страниц воспоминаний о своем детстве. Так что есть надежда, что он все же не был бы категорически против выхода этой книги.

Я со своей стороны старался просто рассказать о жизни Толкина, не пытаясь обсуждать его литературные произведения. Я придерживался этого подхода отчасти из уважения к взглядам самого Толкина, но еще и потому, что первая увидевшая свет биография писателя представляется мне не самым подходящим местом для критики его книг. В конце концов, такие суждения зачастую говорят не столько об их предмете, сколько о самом критике. Тем не менее, я все же попытался обрисовать некоторые литературные и иные впечатления, которые не могли не оказать влияния на творчество Толкина, в надежде, что это прольет новый свет на его книги.

Х.К.

Оксфорд, 1976

1

Визит

1967 год, весеннее утро. Я выехал из центра Оксфорда, через мост Магдалины, по лондонскому шоссе, поднялся на холм – и очутился в респектабельном, но унылом пригороде Хедингтоне. У большой женской частной школы я сворачиваю налево, на Сэндфилд-роуд, улицу, застроенную двухэтажными кирпичными коттеджами, перед каждым из которых разбит аккуратный палисадничек.

Дом номер семьдесят шесть расположен довольно далеко. Стены дома выбелены, и с улицы его почти не видно: его заслоняют высокий забор, зеленая изгородь и разросшиеся деревья. Я ставлю машину у обочины, открываю калитку с арочкой, и короткая дорожка, идущая меж розовых кустов, приводит меня к дверям. Я звоню.

Довольно долго стоит тишина – слышится только отдаленный шум машин на шоссе. Я уже начинаю прикидывать, позвонить еще раз или уйти, когда дверь открывается. Меня встречает профессор Толкин.

Он ниже, чем я думал. В своих книгах он придает большое значение высокому росту, и теперь я слегка удивлен, обнаружив, что сам он – даже ниже среднего, не намного, но достаточно, чтобы это было заметно. Я представляюсь. О моем визите было договорено заранее, меня ждали, а потому вопросительный и немного настороженный взгляд, которым меня встретили, сменяется улыбкой. Мне протягивают руку и приветствуют крепким рукопожатием.

За спиной хозяина виднеется прихожая – маленькая, чистенькая, именно такая, какую ожидаешь увидеть в доме престарелой супружеской четы, принадлежащей к среднему классу. У.Х. Оден необдуманно назвал этот дом «кошмарным» – его замечание потом цитировали в газетах; – но это чепуха. Обыкновенный пригородный коттедж.

Ненадолго появляется миссис Толкин, поприветствовать меня. Она пониже мужа, аккуратная пожилая леди с гладко зачесанными седыми волосами и темными бровями. Мы обмениваемся любезностями, а потом профессор выходит на улицу и ведет меня в свой «кабинет», расположенный рядом с домом.

Кабинет оказывается не чем иным, как гаражом. Впрочем, машины тут нет и в помине – хозяин поясняет, что машины не держит с начала Второй мировой, а когда вышел на пенсию, переоборудовал гараж под кабинет и перенес сюда свои книги и бумаги, которые прежде хранились в его кабинете в колледже. Полки забиты словарями, книгами по этимологии, по филологии и изданиями текстов на множестве языков – больше всего древнеанглийских, среднеанглийских и древнеисландских, но несколько полок заставлены переводами «Властелина Колец»: польский, голландский, датский, шведский, японский; а к подоконнику приколоты кнопками карта выдуманного им Средиземья. На полу – старый-престарый чемодан, набитый письмами, на столе – чернильницы, металлические перья, перьевые ручки-вставочки и две пишущие машинки. Пахнет книгами и табачным дымом.

Здесь не особенно уютно. Профессор извиняется за то, что принимает меня тут, и объясняет, что в комнате, служащей ему кабинетом и спальней, где он в основном и работает, чересчур тесно. Впрочем, говорит он, все равно это все временное – Толкин надеется, что вскоре ему удастся завершить хотя бы основную часть большого труда, обещанного издателям, и тогда они с миссис Толкин смогут позволить себе переехать в дом поуютнее, в более приятной местности, подальше от докучливых посетителей... Тут он несколько смущается.

Я пробираюсь мимо электрокамина и по приглашению хозяина усаживаюсь в старинное кресло. Он достает трубку из кармана твидового пиджака и принимается объяснять, почему он может уделить мне не больше нескольких минут. В другом углу комнаты громко тикает

блестящий голубой будильник, как бы подчеркивая, что время дорого. Толкин сообщает, что ему нужно ликвидировать вопиющее противоречие в одном месте из «Властелина Колец», на которое указал в письме кто-то из читателей, – дело срочное, потому что исправленное издание вот-вот пойдет в печать. Он объясняет все это очень подробно и говорит о своей книге так, словно это не его собственное сочинение, а хроника реальных событий; такое впечатление, что он воспринимает себя не как автора, сделавшего малозначительную ошибку, которую надо либо ликвидировать, либо как-то разъяснить, а как историка, которому предстоит пролить свет на темное место в историческом документе.

Похоже, он думает, что я знаю книгу так же хорошо, как и он сам. Это несколько выбивает из колеи. Нет, конечно, я ее читал, и даже несколько раз – но профессор говорит о деталях, о которых я не имею никакого представления, или, по крайней мере, весьма смутное. Я побаиваюсь, что он вот-вот задаст мне какой-нибудь каверзный вопрос, который раскроет всю глубину моего невежества. И вот вопрос действительно задан – но, по счастью, он чисто риторический, и явно не требует ничего, кроме подтверждения.

Я все еще нервничаю. А вдруг за этим вопросом последуют другие, куда более сложные? Нервозность моя еще более усиливается от того, что я разбираю далеко не все из сказанного профессором. Голос у него странный: низкий, глухой; произношение чисто английское, но с каким-то странным оттенком, а с каким – трудно сказать. Такое впечатление, что этот человек принадлежит иному веку или иной культуре. Однако большую часть времени профессор говорит довольно невнятно. Он горячится, выпаливает слова залпами. Целые фразы съедаются, комкаются, теряются в спешке. Время от времени хозяин тербит губы рукой, отчего речь его становится еще менее разборчивой. Он изъясняется длинными сложноподчиненными предложениями, почти не запинаясь, – но внезапно останавливается. Следует длительная пауза. Видимо, от меня ждут ответа. Ответа на что? Если тут прозвучал вопрос, я его не расслышал... Внезапно профессор снова начинает рассуждать (так и не закончив предыдущего предложения). Он с пафосом завершает свою речь. На последних словах он сует в рот трубку, договаривает сквозь стиснутые зубы и, поставив точку, чиркает спичкой.

Я лихорадочно пытаюсь придумать, что бы такого умного сказать. Но профессор снова принимается говорить прежде, чем я успеваю найти подходящий ответ. По какой-то тонкой, одному ему понятной ассоциации он начинает обсуждать замечание в какой-то газете, которое его разгневало. Тут я наконец вижу возможность поучаствовать в разговоре и вставляю что-то, что, как я надеюсь, звучит достаточно умно. Профессор выслушивает меня с вежливым интересом и отвечает весьма пространно, подхватывая мое высказывание (на самом деле довольно тривиальное) и развивая его, так что в конце концов мне начинает казаться, будто я и впрямь сказал нечто стоящее. Потом снова перескакивает на какую-то новую тему, и я опять теряюсь. Я могу лишь односложно поддакивать тут и там; однако мне приходит в голову, что, возможно, мною дорожат не только как собеседником, но и как слушателем.

Во время разговора он непрерывно двигается, расхаживает взад-вперед по темной комнатухе с энергичностью, смахивающей на непоседливость. Он жестикулирует трубкой, выколачивает ее о край пепельницы, снова набивает, чиркает спичкой, раскуривает, но делает не больше нескольких затяжек. У него небольшие, аккуратные, морщинистые руки, на среднем пальце левой руки – простенькое обручальное кольцо. Одежда немного помята, но сидит на нем хорошо. Ему семьдесят шестой год, но под пуговицами яркого жилета – лишь намек на брюшко. Я почти все время, не отрываясь, смотрю ему в глаза. Временами профессор рассеянно обводит глазами комнату или смотрит в окно, но то и дело оборачивается ко мне – то искоса глянет в мою сторону, то, сказав что-то важное, вопьется в меня взглядом. Вокруг глаз – морщинки и складки кожи, которые непрестанно двигаются, подчеркивая любую перемену настроения.

Поток слов ненадолго иссякает – профессор вновь раскуривает трубку. Я улучаю момент и сообщаю наконец, зачем пришел, – хотя теперь цель моего визита кажется уже неважной. Однако Толкин реагирует с большим энтузиазмом и внимательно меня выслушивает. Завершив эту часть разговора, я поднимаюсь, чтобы уйти, – но, очевидно, хозяин не рассчитывает, что я отбуду прямо сейчас, потому что он снова начал говорить. Он снова рассуждает о своей собственной мифологии. Его взгляд заворуженно устремлен куда-то вдаль. Похоже, хозяин вовсе забыл о моем присутствии – он сунул трубку в рот и говорит сквозь зубы, не отпуская мундштука. Мне приходит в голову, что со стороны Толкин – вылитый оксфордский «дон», рассеянный профессор, какими их изображают в комедиях. Но на самом деле он совсем не такой! Скорее похоже, будто некий неведомый дух прикинулся пожилым оксфордским профессором. Тело может расхаживать по тесной комнатенке в пригороде Оксфорда, но мысль – далеко отсюда, бродит по равнинам и горам Средиземья.

А потом беседа заканчивается. Меня выпускают из гаража и торжественно провожают к калитке напротив входной двери, объясняя, что ворота приходится держать запертыми на амбарный замок, чтобы болельщики, приехавшие смотреть футбол на местный стадион, не ставили машины на дорожке, ведущей к дому. К моему немалому удивлению, меня приглашают заходить еще. Только не сейчас: они с миссис Толкин оба приболели, и к тому же уезжают отдохнуть в Борнмут, и работа стоит, вот уже несколько лет, и куча писем, на которые надо ответить... «Но вы все равно заходите!» Профессор пожимает мне руку и немного потерянно удаляется в дом.

2

1892–1916: юные годы

1

Блумфонтейн

В один из мартовских дней 1891 года пароход «Рослин-Касл» отплыл из Англии в Кейптаун. На кормовой палубе парохода стояла и махала провожавшим ее родственникам, вновь увидеть которых ей предстояло нескоро, хрупкая миловидная девушка двадцати одного года от роду. Мэйбл Саффилд отправлялась в Южную Африку, чтобы выйти замуж за Артура Толкина.

Это был поворотный пункт в ее жизни, с какой стороны ни взгляни. Позади оставался Бирмингем, туманы, семейные чаепития. Впереди ждала неведомая страна, вечно палящее солнце и брак с мужчиной, который был на тринадцать лет старше ее.

Мэйбл была еще очень молода, но замуж собиралась давно: девушка приняла предложение Артура три года назад, вскоре после своего восемнадцатого дня рождения. Однако отец в течение двух лет не позволял заключить официальную помолвку, говоря, что его дочь еще слишком молода. Так что они с Артуром могли только втихомолку обмениваться письмами, а встречались лишь на семейных вечеринках, под пристальным наблюдением всей родни. Письма Мэйбл доверяла своей младшей сестре Джейн, которая передавала их Артуру на платформе Нью-Стрит-Стейшн в Бирмингеме, по дороге из школы домой, в пригород, где жили Саффилды. А на семейных вечеринках обычно занимались музицированием, и Артур с Мэйбл лишь украдкой обменивались взглядами. В лучшем случае удавалось соприкоснуться руками, пока Артуровы сестры играли на фортепьяно.

Фортепьяно, разумеется, было толкиновское – одно из тех пианино, что выпускались на фабрике, на которой семейство Толкинов составило свое скромное состояние. На крышке красовалась надпись: «Надежное фортепьяно: сделано с расчетом на суровые климатические условия»; однако фабрика перешла в другие руки, отец Артура обанкротился, и у него не осталось дела, которое можно было бы передать сыновьям. Артур пытался сделать карьеру в «Ллойдз банк»¹, но возможности для продвижения по службе в бирмингемском отделении представлялись нечасто. Артур понимал, что, если ему придется содержать жену и семейство, необходимо подыскать что-нибудь еще. И он обратился мыслями к Южной Африке. Обнаруженные там золото и алмазы вызвали бурный расцвет банковского дела, и перед служащими открывались большие перспективы. Так что менее чем через год после того, как Артур сделал предложение Мэйбл, он получил место в Африканском банке и отплыл в Кейптаун.

Инициатива Артура вскоре была вознаграждена. В течение первого года ему приходилось много ездить: его посылали в разные временные отделения банка в городах, расположенных между Кейптауном и Йоханнесбургом. Молодой человек хорошо себя зарекомендовал и в конце 1890 года был назначен менеджером крупного банковского филиала в Блумфонтейне, столице Оранжевой Республики. Ему предоставили дом, жалованье было приличное, так что Артур наконец мог позволить себе жениться. В конце января 1891 года Мэйбл отпраздновала свой двадцать первый день рождения, и не прошло и двух месяцев, как она взошла на борт «Рослин-Касл» и отплыла в Южную Африку, к Артуру. Ее отец наконец благословил их брак.

¹ Один из крупнейших коммерческих банков; основан в 1865 году. – Здесь и далее примечания без указания авторства принадлежат переводчику.

Или, точнее будет сказать, смирился с неизбежным. Джон Саффилд был человек гордый. В частности, он весьма гордился своим происхождением – возможно, потому, что больше ему гордиться было особенно нечем. Некогда он владел процветающим магазином тканей в Бирмингеме, но теперь обанкротился, как и отец Артура Толкина. Ему приходилось зарабатывать себе на жизнь в качестве коммивояжера, торгуя дезинфицирующими средствами «Джейз»². Однако потеря состояния заставила его лишь сильнее гордиться своими предками – старым, почтенным семейством из Мидленда, центральных графств Англии. А кто такие эти Толкины? Какие-то немецкие иммигранты, прожившие в Англии всего несколько поколений. Разве это достойная пара для его дочери?

Но если Мэйбл и размышляла о чем-то подобном в течение всего трехнедельного путешествия, в тот день в начале апреля, когда пароход вошел в гавань Кейптауна, она уж точно думала не об этом. На пристани ее ждал красивый мужчина в белом костюме, с роскошными усами, которому вряд ли можно было дать его тридцать четыре сейчас, когда он с волнением высматривал в толпе свою драгоценную Мэб.

Артур Руэл Толкин и Мэйбл Саффилд обвенчались в центральном соборе Кейптауна 16 апреля 1891 года, а медовый месяц провели в отеле в Си-Пойнте, неподалеку от Кейптауна. А потом – утомительная семидесятимильная поездка по железной дороге в столицу Оранжевой Республики, и дом, первый и единственный дом, где Мэйбл суждено было жить с Артуром.

Блумфонтейн возник за сорок пять лет до того как крохотная деревушка. Да и сейчас, в 1891-м, он был невелик. Уж конечно, когда Мэйбл с Артуром сошли с поезда на недавно выстроенном вокзале, город не произвел на новобрачную особого впечатления. В центре города раскинулась рыночная площадь, куда говорившие по-голландски фермеры из вельда привозили на продажу в фургонах, запряженных волами, круглые тюки с шерстью. Шерсть составляла основу экономики республики. Вокруг рыночной площади высились солидные приметы цивилизации: дом парламента с колоннадой, здание голландской реформистской церкви с двумя башнями, англиканский собор, больница, публичная библиотека и дворец президента. Имелся в городе клуб для европейцев (немцев, голландцев и англичан), теннисный клуб, суд и довольно много магазинов. Но деревьев, посаженных тут первопоселенцами, было еще маловато, и городской парк представлял собой, по выражению Мэйбл, «десяток ив и мелкую лужицу». Всего в нескольких сотнях ярдов за домами начинался открытый вельд – дикая степь, где бродили волки, дикие собаки и шакалы, угрожающие стадам, и где припозднившийся почтальон рисковал встретиться со львом. С этих безлесных равнин в Блумфонтейн прилетал ветер, взметавший тучи пыли на широких немощеных улицах. В письме домой Мэйбл подытожила свои впечатления от города следующим образом: «Дичь и глушь! Просто ужас!»

Однако ради Артура ей придется привыкнуть к этим местам и даже полюбить их... Впрочем, условия, в которых она жила, нельзя назвать некомфортабельными. Здание Африканского банка, расположенное на Мэйтленд-стрит, начинающейся у рыночной площади, включало в себя просторную квартиру с большим садом. В доме были слуги, частью черные и цветные, частью белые иммигранты. В городе имелось достаточно обширное общество, состоящее из англоговорящих жителей; организовывались регулярные, хотя, возможно, и немного однообразные танцевальные вечеринки и званые обеды. Мэйбл зачастую оказывалась предоставлена самой себе: Артур, помимо основной работы, посещал еще курсы голландского, государственного языка, на котором велась вся официальная переписка; к тому же ему еще следовало бывать в клубе, чтобы завязывать полезные знакомства. Позволить себе расслабиться Артур не мог: несмотря на то что в Блумфонтейне имелось всего два банка, вторым был Национальный банк Оранжевой Республики; в то время как Африканский банк, местное отделение которого возглавлял Артур, являлся здесь пришельцем, *uitlander*, и терпели его только благодаря специ-

² Фирменное название дезинфицирующих и моющих средств одноименной компании.

альному парламентскому акту. А вдобавок бывший менеджер Африканского банка перешел в Национальный. Так что Артуру приходилось работать за двоих, чтобы выгодные клиенты не ушли следом за его предшественником. В округе все время появлялись перспективные новые проекты, которые можно было обратить на пользу банку, связанные с алмазами Кимберли на западе или золотом Витватерсгранда на севере. Это был решающий момент в карьере Артура, и к тому же Мэйбл видела, что муж абсолютно счастлив. Правда, здоровье у него оставляло желать лучшего с тех пор, как он приехал в Южную Африку, но, похоже, этот климат соответствовал его темпераменту – более того, Мэйбл с легким ужасом обнаружила, что ему тут явно нравится. Сама она через несколько месяцев пребывания в Южной Африке всей душой невзлюбила эти места. Жуткая жара летом и холодная, сухая, пыльная зима действовали ей на нервы куда больше, чем она решалась признаться Артуру, – а до «отпуска» была еще целая вечность: они не имели права посетить Англию, пока не проведут в Блумфонтейне еще три года.

Но Артура она обожала и бывала счастлива всякий раз, как ей удавалось оторвать его от рабочего стола. Они гуляли или катались, играли в теннис, в гольф или читали друг другу вслух. А вскоре у Мэйбл появилась новая забота: она обнаружила, что беременна.

4 января 1892 года Артур Толкин написал домой в Бирмингем:

«Дорогая матушка!

На этой неделе у меня для вас радостное известие. Вчера вечером (3 января) Мэйбл подарила мне чудесного сыночка. Ребенок родился до срока, но малыш крепенький и здоровый, и Мэйбл прекрасно перенесла роды. Мальчик, разумеется, очарователен. У него такие славные ручонки и ушки, пальчики очень длинные, волосики светленькие, глазки толкиновские, а ротик совершенно точно саффилдовский. В общем и целом, очень похож на второе, улучшенное издание своей тети Мэйбл Миттон. Когда мы вчера впервые вызвали доктора Столрейтера, он сказал, что это ложная тревога и велел акушерке отправляться домой и подождать пару недель, но доктор ошибся. Я вызвал его снова около восьми, и он оставался до 12.40, а потом мы налили виски и выпили за мальчика. Первое имя мальчика будет «Джон», в честь дедушки; а полное, наверно, «Джон Рональд Руэл». Мэб хочет назвать его Рональдом, а я хочу сохранить Джона и Руэла...»

«Руэл» было второе имя самого Артура, а вот Рональдов в семье прежде не было. В конце концов Артур и Мэйбл стали называть своего сына именно этим именем. Так его потом называли и все родственники, и жена. Но сам он временами говорил, что ему кажется, будто это не настоящее его имя; и в самом деле, люди, похоже, колебались насчет того, как к нему обращаться. Несколько близких школьных друзей звали его «Джон Рональд» – длинновато, зато благозвучно. Когда он вырос, его друзья обычно обращались к нему по фамилии (в те времена так было принято) или называли «Толлерсом» – дружеское прозвище, тоже типичное для той эпохи. Ну а менее близким знакомым он был известен как «Дж. Р.Р.Т.» Возможно, в конце концов оказалось, что именно эти инициалы лучше всего подходят для данного человека.

Джон Рональд Руэл Толкин был окрещен в соборе Блумфонтейна 31 января 1892 года, а несколько месяцев спустя его сфотографировали в саду при здании банка, на руках няньки, которую наняли ухаживать за младенцем. Его мать явно лучится здоровьем, а Артур, в котором всегда было что-то от денди, здесь выглядит настоящим щеголем в своем белом тропическом костюме и соломенной шляпе. На заднем плане – двое черных слуг, горничная и лакей Исаак. Оба, похоже, несколько удивлены и польщены тем, что их тоже снимают. Мэйбл считала отношение буров к туземцам неприемлемым, и в здании банка царил терпимость. Особо показательна из ряда вон выходящая история с Исааком. Он в один прекрасный день

украл маленького Джона Рональда Руэла и отнес его к себе в крааль, похвастаться невиданным белым младенцем. Естественно, исчезновение ребенка всех напугало и в доме поднялся большой переполох, однако же Исаака не уволили. В благодарность он назвал собственного сына «Исаак Мистер Толкин Виктор». «Виктор» – это в честь королевы Виктории.

В доме Толкинов случались и другие происшествия. Однажды соседские ручные обезьянки перебрались через стену и сжевали три детских слюнявчика. В дровяной сарай время от времени заползали змеи, так что приходилось соблюдать осторожность. А много месяцев спустя, когда маленький Рональд учился ходить, он наступил на тарантула. Паук укусил малыша, и тот в панике метался по саду, пока нянька не поймала его и не отсосала яд. Став взрослым, он вспоминал жаркий день и как он в ужасе бежит, путаясь в высокой жухлой траве, но самого тарантула забыл начисто и утверждал, что никакого особого отвращения к паукам этот эпизод ему не внушил. Однако же в его книгах не раз встречаются чудовищные пауки, укусы которых ядовит.

Однако по большей части жизнь в здании банка текла размеренно. Рано поутру и ближе к вечеру малыша выносили в сад, где он мог смотреть, как папа подрезает виноградные лозы или сажает новые деревца на еще не занятых участках внутри ограды. В первый год жизни мальчика Артур Толкин насадил небольшую рощицу кипарисов, елей и кедров. Может быть, именно поэтому Рональд всю жизнь так любил деревья.

С половины десятого до половины пятого ребенка держали в доме, подальше от палящего солнца. Но и в доме было ужасно жарко, поэтому мальчика одевали во все белое. «Малыш – вылитый эльфик, когда весь из себя разодет в белые оборочки и в белых ботиночках, – писала Мэйбл матери мужа. – А когда он весь из себя раздет, то, по-моему, еще больше похож на эльфа!»

Теперь круг общения Мэйбл расширился. Вскоре после того, как Толкины отпраздновали первый день рождения мальчика, приехали из Англии ее сестра и зять, Мэй и Уолтер Инклдон. Уолтер, торговец из Бирмингема, которому было немного за тридцать, интересовался южноафриканским золотом и алмазами. Он оставил жену и маленькую дочь Марджори в здании банка, а сам отправился в золотодобывающие районы. Мэй Инклдон прибыла как раз вовремя, чтобы помочь сестре пережить еще одно зимнее лето в Блумфонтейне – сезон тем более тяжкий, что Артур тоже уехал по делам на несколько недель. Было ужасно холодно, сестры жались к камину в столовой, Мэйбл вязала детские вещи, и они с Мэй разговаривали о былых днях в Бирмингеме. Мэйбл не скрывала, как надоела ей эта блумфонтейнская жизнь, этот климат, эти бесконечные светские визиты и нудные званые обеды. Ничего, скоро они смогут съездить домой – где-нибудь через годик, хотя Артур все ищет поводы отложить поездку в Англию. «Но откладывать надолго я ему не позволю, – писала Мэйбл. – Он буквально влюбился в здешний климат, и мне это не нравится. Жалко, что я никак не могу привыкнуть к этим местам: похоже, Артур теперь уже не захочет обосноваться в Англии».

А поездку все-таки пришлось отложить. Мэйбл обнаружила, что снова беременна. 17 февраля 1894 года она родила второго сына. Его окрестили Хилари Артуром Руэлом.

Хилари оказался здоровым малышом. Климат Блумфонтейна, похоже, пришелся ему по вкусу – он рос не по дням, а по часам. А вот у его старшего брата дела обстояли похуже. Рональд был крепким и красивым, с белокурыми волосами и голубыми глазами – «настоящий юный сакс!», – говаривал отец. Он уже неплохо разговаривал и забавлял банковских клерков своими ежедневными визитами в отцовскую контору, расположенную на первом этаже, под их квартирой. Он требовал карандаш и бумагу и малевал каракули. Но когда у малыша начали резаться зубы, ему пришлось несладко: его лихорадило, так что каждый день приходилось вызывать доктора, и вскоре Мэйбл совершенно измучилась. Погода стояла хуже некуда: началась сильная засуха, которая мешала торговле, действовала людям на нервы и вдобавок принесла с собой нашествие саранчи, которая заполонила вельд и погубила хороший урожай. И, однако, невзи-

рая на все это, Артур написал отцу то, что так боялась услышать Мэйбл: «Думаю, мне будет хорошо в этой стране. Вряд ли я теперь смогу снова надолго поселиться в Англии».

Но, нравилось ему здесь или нет, было очевидно, что жара очень вредит здоровью Рональда. Нужно было срочно отправить его в более прохладные края. А потому в ноябре 1894 года Мэйбл увезла обоих мальчиков за много сотен миль, на море близ Кейптауна. Рональду почти исполнилось три года, и он был достаточно большой, чтобы сохранить смутные воспоминания о долгом путешествии на поезде и о том, как он бежал от моря к купальне по широкому белому песчаному пляжу. После этих каникул Мэйбл с мальчиками вернулась в Блумфонтейн, и они стали готовиться к поездке в Англию. Артур заказал места на пароходе и нанял няньку, которая должна была ехать с ними. Ему ужасно хотелось поехать с семьей, но он не мог позволить себе оторваться от дел: банк должен был финансировать проекты постройки новых железных дорог, и Артур писал отцу: «В наше время, когда кругом конкуренты, не хочется оставлять дело в чужих руках». К тому же во время отпуска ему оплачивали только половину жалованья, а этого Артур себе позволить не мог: путешествие и так обошлось бы довольно дорого. Поэтому он решил пока что остаться в Блумфонтейне и присоединиться к жене и детям попозже. Рональд смотрел, как отец выводил на крышке дорожного сундука «А. Р. Толкин». Это было единственное отчетливое воспоминание, оставшееся у него об отце.

Пароход «Гвельф» увез Мэйбл и мальчиков из Южной Африки в начале апреля 1895 года. От Африки в памяти Рональда остались только несколько слов на африкаанс и смутные воспоминания о голой, сухой и пыльной равнине. Хилари же был слишком мал, чтобы запомнить хотя бы это. Три недели спустя Джейн, младшая сестренка Мэйбл, ныне уже взрослая девушка, встречала их в Саутгемптоне; еще через несколько часов они прибыли в Бирмингем и водворились в тесном домике в Кингз-Хите. Отец Мэйбл был, как всегда, весел и добродушен, сыпал шуточками и ужасными каламбурами, а матушка казалась такой доброй и всепонимающей. Итак, они остались жить у родителей Мэйбл; миновала весна, а за ней и лето; здоровье Рональда заметно поправилось; Артур писал, что ужасно скучает по жене и детям и жаждет приехать повидать их, но ему все время что-то мешало.

А потом, в ноябре, пришло известие, что Артур заболел ревматизмом. Он уже частично оправился, но английская зима не пойдет ему на пользу, и придется подождать, пока он выздоровеет, прежде чем отправляться на родину. Это Рождество принесло Мэйбл немало тревог. Зато Рональд веселился вовсю. Он был буквально зачарован первой в своей жизни рождественской елкой, которая совсем не походила на жухлый эвкалипт, что наряжали в банке в прошлом декабре.

Наступил январь. Пришло письмо, что Артур по-прежнему чувствует себя неважно, и Мэйбл решила, что надо ехать обратно в Блумфонтейн и ухаживать за ним. Стали готовиться к отъезду. Вздурораженный Рональд продиктовал своей няне письмо к отцу:

«Кингз-Хит, Эшфилд-роуд, 9, 14 февраля 1896 года.

Дорогой папочка!

Я так рад что приеду и увижу тебя мы так давно уехали я надеюсь пароход привезет нас всех обратно к тебе маму малыша и меня. Я знаю ты будешь так рад получить письмо от своего маленького Рональда я так давно тебе не писал я стал такой большой потому что у меня пальто как у большого и курточка тоже мамочка говорит ты не узнаешь ни меня ни малыша такие мы стали большие мы получили уйму подарков на Рождество мы тебе покажем приходила тетя Грейси в гости я каждый день хожу гулять, а в коляске почти не езжу. Хилари шлет тебе привет и много-много поцелуев и любящий тебя
Рональд».

Это письмо так и не было отправлено: пришла телеграмма, в которой говорилось, что у Артура открылось сильное кровотечение, и Мэйбл должна готовиться к худшему. На следующий день, 15 февраля 1896 года, Артур скончался. К тому времени, как рассказ о последних часах Артура Толкина дошел до его вдовы, его тело было уже погребено на англиканском кладбище в Блумфонтейне, в пяти тысячах миль от Бирмингема.

2

Бирмингем

Когда миновал первый шок, Мэйбл Толкин поняла, что нужно принять какое-то решение. Она с двумя мальчиками не могла навсегда остаться в тесном пригородном коттеджике своих родителей, однако на то, чтобы поселиться в отдельном доме, средств у нее едва хватало. Несмотря на то что Артур Толкин трудился не покладая рук и откладывал каждый сэкономленный грош, ему удалось собрать весьма скромный капитал, большая часть которого была вложена в копии Бонанца. Эти акции давали высокие дивиденды, но тем не менее весь доход исчислялся тридцатью шиллингами в неделю. Этого было маловато, чтобы содержать себя и двоих детей, даже по самым скромным меркам. Кроме того, оставалась еще проблема образования мальчиков. Допустим, в первые несколько лет она может учить их сама: она знала латынь, французский, немецкий, умела рисовать, писать красками и играть на фортепьяно. Позднее, когда Рональд с Хилари подрастут, им придется сдать вступительные экзамены в школу короля Эдуарда в Бирмингеме – лучшую классическую школу³ в городе, где учился и сам Артур Толкин. А пока что нужно снять дешевую квартиру. Квартир в Бирмингеме предостаточно, но мальчикам необходим свежий воздух и возможность гулять за городом, и такой дом, чтобы они могли быть счастливы там, несмотря на бедность. И Мэйбл принялась просматривать объявления.

Рональд, которому шел пятый год, потихоньку приспосабливался к житью под кровом бабушки с дедушкой. Отца он почти забыл – еще немного, и мальчик начнет воспринимать его как нечто из далекого, почти легендарного прошлого. Переезд из Блумфонтейна в Бирмингем сбил его с толку: иногда он ожидал, что, выйдя из дедушкиного дома на Эшфилд-роуд, увидит перед собой веранду здания банка; но шли недели, месяцы, воспоминания о Южной Африке начинали стираться, и мальчик стал обращать больше внимания на взрослых, что его окружали. Дядя Вилли и тетя Джейн по-прежнему жили с родителями, а еще в доме был жилец, страховой агент с волосами песочного цвета, который напевал «Полли-Волли-Дудль», сидя на ступеньках и подыгрывая себе на банджо, и строил глазки тете Джейн. Семейство считало его вульгарным. Когда Джейн объявила о помолвке с ним, все пришли в ужас. Рональд втайне мечтал о банджо.

По вечерам дедушка возвращался домой, измотанный бегом по бирмингемским улицам и улаживанием лавочников и управляющих, которых надо было уговаривать приобрести партии «Джейза». Джон Саффилд носил длинную бороду и выглядел очень старым. Ему стукнуло шестьдесят три, и он клялся, что доживет до ста. Большой весельчак, он, похоже, вовсе не возражал против того, чтобы зарабатывать себе на жизнь трудом коммивояжера, несмотря на то что когда-то владел собственным магазином тканей в центре города. Иногда он брал листок бумаги и ручку со специальным тоненьким перышком, обводил кружком шестипенсовую монету и мельчайшим каллиграфическим почерком вписывал в этот кружок весь текст «Отче наш». Его предки были граверами – видимо, от них Джон Саффилд и унаследовал это искусство; он с гордостью рассказывал про то, как король Вильгельм IV даровал их семейству собственный герб за тонкую работу, выполненную по его заказу, и про свое дальнейшее родство с лордом Саффилдом (последнее – неправда).

³ Среднее образование в Англии делилось – и до сих пор делится – на две направленности, классическую (grammar schools) и современную (modern schools). В первой, унаследованной от средневековых школ, основной упор делается на изучение гуманитарных предметов, и в первую очередь – древних языков, латыни и греческого. В современных школах программа имеет практическую направленность, и изучение древних языков не предусматривается. Некоторым аналогом этого разделения могут служить дореволюционные российские гимназии и реальные училища.

Так Рональд начал понемногу усваивать обычаи семейства Саффилдов. Постепенно они сделались для него куда более близкими людьми, чем семья его покойного отца. Его дедушка Толкин жил совсем рядом, на той же улице, и иногда Рональда водили к нему в гости; но Джону Бенджамину Толкину было уже восемьдесят девять лет, и смерть сына сильно подкосила старика. Через полгода после смерти Артура его отец тоже скончался. Так оборвалась еще одна связь, соединявшая мальчика с Толкинами.

Однако оставалась еще тетя Грейс, младшая сестра Артура, которая много рассказывала Рональду о предках Толкинов. Все ее истории выглядели совершенно невероятными, но тетя Грейс утверждала, что все основано на фактах. Она говорила, будто фамилия семейства первоначально была «фон Гогенцоллерн», потому что эта семья происходила из той части Священной Римской империи, что принадлежала Гогенцоллернам. По ее словам, на осаде Вены в 1529 году некий Георг фон Гогенцоллерн сражался на стороне эрцгерцога Фердинанда Австрийского. Он возглавил незапланированную вылазку против турок, выказал неслыханную отвагу и захватил штандарт самого султана. Потому, рассказывала тетя Грейс, его и прозвали «Tollkuhn», «безрассудно отважный»; и это прозвище пристало ко всему семейству. Она утверждала также, что у их семейства есть и французские корни: оно породнилось со многими знатными фамилиями Франции, а их фамилия была даже переведена на французский и звучала как «дю Темерер». Насчет того, когда и почему предки Толкинов перебрались в Англию, мнения в семействе расходились. Более прозаичная версия гласила, что это произошло в 1756 году и что им пришлось спасаться бегством, когда в Саксонию, где находились их земли, вторглись прусские захватчики. Тетя Грейс предпочитала более романтическую, хотя и неправдоподобную историю о том, как один из дю Темереров бежал за Ла-Манш в 1794 году, спасаясь от гильотины, и, видимо, именно тогда и взял себе вариант прежней фамилии «Толкин». Этот дворянин славился как искусный клавесинист и часовщик. Разумеется, эта история – одна из многих подобных легенд о происхождении рода, которые бытуют в семействах, принадлежащих к среднему классу, – изрядно романтизировала появление в Лондоне в начале XIX века семейства Толкинов, которые зарабатывали изготовлением карманных и настенных часов и фортепьяно. А несколько лет спустя Джон Бенджамин Толкин, отец Артура, переселился в Бирмингем и основал там фирму, производящую и продающую фортепьяно.

Толкины всегда любили рассказывать истории, окутывавшие их происхождение романтической дымкой; но, правдивые они или выдуманные, к тому времени, как на свет появился Рональд, Толкины давно уже стали обычной английской семьей, англичанами по характеру и по внешности, неотличимыми от тысяч других деловых людей среднего класса, проживавших в пригородах Бирмингема. Во всяком случае, Рональд куда больше интересовался семьей своей матери. Он вскоре привязался к Саффилдам и всему, что они в себе воплощали. Он узнал, что, хотя сейчас большинство Саффилдов перебралось в Бирмингем, корни семейства следует искать в тихом вустерширском городке Ившем, где жило много поколений Саффилдов. Рональд в определенном смысле был бездомным ребенком, поскольку отъезд из Южной Африки и последовавшие за этим скитания начинали вызывать у него ощущение неприкаянности, а потому он привык считать своей настоящей родиной западный Мидленд вообще и Ившем в частности. Много позднее он писал: «Моя фамилия «Толкин», но по вкусам, способностям и воспитанию я Саффилд». А о Вустершире он говорил: «В любом уголке этого графства, будь он прекрасным или запущенным, я неким неуловимым образом чувствую себя «дома», как нигде в мире».

К лету 1896 года Мэйбл Толкин удалось найти квартиру, достаточно дешевую, чтобы она с мальчиками могла поселиться отдельно, и они перебрались из Бирмингема в деревушку Сэрхоул, примерно в миле от южной окраины города. Это новое место произвело на Рональда глубокое, неизгладимое впечатление. В том самом возрасте, когда у ребенка начинает просыпаться воображение, он попал в английскую деревню.

Дом, куда они переселились, был номером 5 по улице Грейсвелл, кирпичным коттеджем на две семьи на самом краю деревни. Мэйбл Толкин сняла его у местного землевладельца. За воротами шла дорога, уводящая вверх по склону холма, в деревню Моузли, а оттуда в Бирмингем. В противоположном направлении она вела в Стратфорд-он-Эйвон. Но движение на дороге ограничивалось редкими фермерскими телегами или повозками торговцев, и нетрудно было забыть, что город так близко.

За дорогой был луг, спускавшийся к реке Коул, которая в тех местах немногим шире обычного ручья. На реке стояла сэрхоулская мельница, старое кирпичное здание с высокой трубой. Здесь на протяжении трех столетий мололи зерно, но времена менялись. На мельнице установили паровую машину, чтобы не прерывать работу, когда в реке слишком мало воды, и теперь мельница молола в основном не зерно, а кости на удобрения. Однако вода по-прежнему шумела в шлюзе и крутила большое колесо, а внутри здания все было покрыто мельчайшей белой пылью. Хилари Толкину было всего два с половиной года, но вскоре и он начал сопровождать старшего брата в экспедициях через луг к мельнице, где они сквозь щели в заборе глазели на мельничное колесо, вращающееся в своей темной пещере, или, обожав забор, заглядывали во двор, где рабочие забрасывали мешки в ожидающую телегу. Иногда мальчики даже решались зайти в ворота и сунуть нос в открытую дверь. За дверью виднелись кожаные ремни, шкивы, валы и люди за работой. Мельников было двое, отец и сын. У старика была черная борода, но мальчики больше боялись сына в пыльной белой одежде и с пронзительным взглядом. Рональд прозвал его «Белым Людоедом». Когда он рывкал на них, чтобы они убегали, мальчики опрометью бросались со двора и, обогнув мельницу, выходили на берег тихого пруда, в котором плавали лебеди. В конце пруда темная вода внезапно обрывалась вниз и падала через шлюз на большое колесо внизу. Это было страшное и заманчивое место.

Неподалеку от сэрхоулской мельницы, вверх по холму, в сторону Моузли, был глубокий песчаный карьер, край которого порос деревьями. Этот карьер стал еще одним излюбленным местом мальчиков. Собственно говоря, открытия поджидали со всех сторон – хотя порой изыскания были сопряжены с риском. Старого фермера, который как-то раз шуганул Рональда за то, что мальчик собирал грибы у него на участке, братья прозвали «Черным Людоедом». Подобные опасные приключения были самой солью тех дней в Сэрхоуле. Вот как вспоминает о них Хилари Толкин, почти восемьдесят лет спустя:

«Мы чудесно проводили лето – просто собирали цветы и шастали по чужим участкам. Черный Людоед имел обыкновение забирать ботинки и чулки, которые вы оставляли на берегу, чтобы походить босиком по воде, и приходилось догонять его и выпрашивать обувь обратно. Ух, и влетало же нам от него! Белый Людоед был не такой опасный. Но для того, чтобы попасть в то место, где мы собирали ежевику (оно называлось «Лощина»), надо было пройти через земли Белого, а он нас не особо жаловал, потому что узкая тропинка шла через его поле, и мы по дороге украдкой рвали куколи и другие красивые цветы. Мать один раз принесла нам обед в это славное место. Она пришла, и как закричит страшным голосом, а мы как бросимся бежать!»

В Сэрхоуле было мало домов, кроме того ряда коттеджей, в котором жили Толкины, но тропинка через брод вела в деревню Холл-Грин. Рональд с Хилари иногда ходили покупать сладости у беззубой старушки, которая держала там ларек. Постепенно они подружились с местными ребятами. Это было не так-то просто: деревенские смеялись над их городским произношением, длинными волосами и передничками, а сами братья Толкины были непривычны к уорикширскому диалекту и грубым манерам сельских мальчишек. Но вскоре они и сами принялись заимствовать деревенские словечки, привыкнув называть свиной бок «chawl», мусорное ведро – «miskin», сдобную пышку – «pikelet», а хлопчатобумажную ткань – «gamgee». Последнее слово было обязано своим происхождением доктору Гэмджи, врачу из Бирмингема,

который изобрел «gamgee-tissue», хирургическую повязку из хлопка. В этом округе его имя стало словом нарицательным.

Мэйбл вскоре принялась обучать сыновей, и лучшего учителя им не приходилось и желать. Да и сама Мэйбл не пожелала бы ученика, более способного, чем Рональд – к четырем годам он уже умел читать, а вскоре после этого освоил и письмо. Почерк его матери отличался очаровательной самобытностью. Она переняла у отца искусство каллиграфии и писала в изысканном стиле, без наклона, украшая каждую заглавную букву замысловатыми завитушками. Рональд вскоре тоже принялся упражняться в каллиграфии. У него почерк был иной, чем у матери, но со временем он сделался таким же элегантным и неповторимым. Однако больше всего Рональд любил уроки, посвященные языкам. Вскоре после того, как семья поселилась в Сэрхоуле, мать обучила его начаткам латыни, и латынь ему ужасно понравилась. Его интересовало не только значение слов, но и само их звучание и облик. Мэйбл начала замечать, что мальчик обладает особыми способностями к языкам. Она стала обучать его французскому. Французский понравился ему куда меньше, без каких-либо особых причин: просто звучание французских слов не так радовало его слух, как латынь и английский. Мать пыталась приохотить его к игре на фортепьяно, но безуспешно. Казалось, слова заменяют ему музыку, и он получает удовольствие, слушая их, читая их и повторяя их вслух, почти не обращая внимания на смысл.

Рисование тоже давалось ему хорошо, особенно когда мальчик брался изображать пейзаж или дерево. Мать сообщила ему немало сведений по ботанике, и к ним Рональд тоже не остался равнодушен. Вскоре он научился неплохо разбираться в растениях. Но и тут его больше интересовал облик растения и ощущение от него, нежели ботанические подробности. Особенно это относилось к деревьям. И хотя Рональд любил рисовать деревья, больше всего он любил быть вместе с деревьями. Он лазил по ним, прислонялся к ним, даже болтал с ними. И очень огорчился, когда ему случалось обнаружить, что не все разделяют его чувства. Один случай особенно запал ему в память: «Над мельничным прудом росла ива, и я научился залезать на нее. Ива принадлежала, кажется, мяснику, жившему на Стратфорд-роуд. И в один прекрасный день ее спилили. С ней ничего не сделали: просто спилили и оставили валяться. Я этого никак не мог забыть».

В часы, свободные от занятий, мать в изобилии снабжала его детскими книжками. «Алиса в Стране чудес» Рональда очень позабавила, хотя пережить такие же приключения, как Алисе, ему не хотелось. «Остров сокровищ» ему не понравился, так же как сказки Андерсена и «Крысолов из Гамельна»⁴. А вот книжки про индейцев он любил и мечтал научиться стрелять из лука. Еще больше ему нравились сказки про Керди Джорджа Макдональда⁵, действие которых происходит в далекой стране, где в горах бродят уродливые и злые гоблины. Восхищался он и легендами артуровского цикла. Но больше всего Рональду пришлось по душе «Цветные книги сказок» Эндрю Лэнга⁶, в особенности «Красная книга сказок», потому что в ней, ближе к концу, он нашел лучшую историю, которую когда-либо читал. Это была повесть о Сигурде, который убил дракона Фафнира – легенда причудливая и захватывающая, действие которой происходило на безымянном Севере. Сколько раз Рональд ни перечитывал ее, каждый раз он не мог оторваться. «Я всей душой мечтал о драконах, – скажет он много позднее. – Нет,

⁴ Стихотворение, написанное для детей Робертом Браунингом (1812–1889). В основу стихотворения легла распространенная средневековая легенда.

⁵ Джордж Макдональд (1824–1905) – англо-шотландский детский писатель, один из основоположников жанра фэнтези; автор ряда сказок, проникнутых христианской символикой. В число этих сказок входят и сказочные повести о Керди («Принцесса и гоблин», 1872, и «Принцесса и Керди», 1883, ставшие классикой детской литературы. Макдональд оказал большое влияние на Г.К. Честертона, К.С. Льюиса и Дж. Р.Р. Толкина.

⁶ Эндрю Лэнг (1844–1912) – английский поэт, переводчик, фольклорист и антрополог, составитель 12 сборников детских сказок, именуемых по цвету обложки («Синяя книга сказок», «Красная книга сказок» и т. п.), куда вошли как сказки разных народов, так и пересказы наиболее известных мифов.

конечно, я, со своими скромными силенками, вовсе не жаждал, чтобы они жили где-нибудь по соседству. Но мир, где существовал Фафнир, хотя бы воображаемый, казался богаче и прекраснее, несмотря на опасность».

Но просто читать о драконах ему было мало. Когда Рональду исполнилось семь лет, он принялся сочинять свою собственную сказку про дракона. «Я ее начисто забыл, кроме одной филологической подробности, – вспоминал он. – Моя мать насчет дракона ничего не сказала, но заметила, что нельзя говорить «зеленый большой дракон», надо говорить «большой зеленый дракон». Я тогда не понял, почему, и до сих пор не понимаю. То, что я запомнил именно это, возможно, важно: после этого я в течение многих лет не пытался писать сказок, зато был всецело поглощен языком».

В Сэрхоуле лето сменялось осенью, осень – зимой, зима – весной, а весна – снова летом. Праздновали бриллиантовый юбилей королевы Виктории, и колледж на вершине холма в Моузли украсился разноцветными фонариками. Мэйбл как-то удавалось кормить и одевать мальчиков на свои скудные средства, к которым время от времени прибавлялись вспомоществования от Толкинов или Саффилдов. Хилари все больше становился похож на отца, в то время как Рональд унаследовал внешность Саффилдов, их худощавое, вытянутое лицо. Временами его тревожил странный сон: огромная волна вздымается к небу и неотвратимо надвигается, накрывая собой деревья и зеленые поля, стремясь поглотить его и все, что вокруг. Этот сон повторялся на протяжении многих лет. Позднее Толкин называл его «мой комплекс Атлантиды». Однако обычно он спал хорошо, и сквозь повседневные заботы гнетущей бедности сияла его любовь к матери и к окрестностям Сэрхоула, сулящим приключения и утехы. Он не уставал наслаждаться сельскими радостями, с каким-то отчаянным самозабвением, словно предчувствуя, что придет день – и всего этого не станет. И этот день пришел, и довольно скоро.

Со дня смерти мужа все большую роль в жизни Мэйбл Толкин играло христианство. Каждое воскресенье Мэйбл брала мальчиков с собой в «высокую» англиканскую церковь. А однажды в воскресенье Рональд с Хилари обнаружили, что идут незнакомой дорогой совсем в другую церковь: собор Святой Анны на Алсестер-стрит, в трущобах близ центра Бирмингема. Этот собор принадлежал римско-католической церкви.

Мэйбл уже давно подумывала о том, чтобы перейти в католичество. К тому же она решилась на этот шаг не в одиночку. Ее сестра Мэй Инклдон вернулась из Южной Африки. У нее тоже было уже двое детей. Ее муж, Уолтер, остался в Африке заканчивать свои тамошние дела. И Мэй решила втайне от мужа перейти в католичество. Весной 1900 года Мэй и Мэйбл прошли катехизацию в соборе Святой Анны, и в июне того же года были приняты в лоно римской церкви.

На них обрушился гнев всего семейства. Их отец, Джон Саффилд, был воспитан в лоне методистской школы, а теперь принадлежал к унитарной церкви. И то, что дочь его стала «паписткой», он воспринял как личное оскорбление. Супруг Мэй, Уолтер Инклдон, считал себя столпом местной англиканской церкви и не понимал, как Мэй могла переметнуться на сторону Рима. Вернувшись в Бирмингем, он запретил жене посещать католическую церковь, и той пришлось повиноваться. Ища утешения – а может быть, и из мести, – она обратилась к спиритуализму.

После смерти Артура Толкина Уолтер Инклдон оказывал Мэйбл небольшую материальную поддержку. Разумеется, теперь об этом не могло быть и речи. Вместо этого и Уолтер, и все прочие члены ее семьи стали относиться к ней враждебно, не говоря уже о Толкинах, большинство которых были баптистами, и ненавидели католичество. Напряжение, вызванное этой враждебностью, а также дополнительные финансовые трудности плохо повлияли на здоровье Мэйбл. Но ее верность своей новой конфессии осталась неколебимой и, невзирая на сопротивление семьи, Мэйбл принялась наставлять Рональда и Хилари в католической вере.

А тем временем Рональду пришла пора поступать в школу. Осенью 1899 года, в возрасте семи лет, ему пришлось сдавать вступительные экзамены в школу короля Эдуарда, которую закончил его отец. Экзаменов он не выдержал – возможно, его мать была чересчур снисходительной наставницей. Однако год спустя он снова держал экзамены – и поступил, и в сентябре 1900 года начал посещать школу. Дядя Толкин, который, в отличие от прочих родственников, относился к Мэйбл благодушно, согласился взять расходы на себя. Плата за обучение составляла тогда двенадцать фунтов в год. Школа находилась в центре Бирмингема, в четырех милях от Сэрхоула, и в первые несколько недель Рональду приходилось проделывать большую часть пути пешком, потому что его мать не могла оплачивать поездки на поезде, а трамваи так далеко не ходили. Разумеется, долго это длиться не могло, и Мэйбл поняла, что деревенскому житью, увы, пришел конец. Она сняла дом в Моузли, ближе к центру города и рядом с трамвайной линией, и в конце 1900 года они с мальчиками собрали свои пожитки и оставили коттедж, где были так счастливы в течение четырех лет. «Всего четыре года, – писал Рональд Толкин в старости, оглядываясь назад, – но сейчас мне кажется, что это была самая долгая часть моей жизни, оказавшая наибольшее влияние на формирование моей личности».

Путешественник, прибывший в Бирмингем по Лондонской и Северо-Западной железной дороге, не мог бы не заметить школы короля Эдуарда, что величественно высилась над дымом и чадом вокзала Нью-стрит. Тяжеловесное, почерневшее от сажи здание в неоготическом стиле, напоминающее столовую богатого оксфордского колледжа, было творением Барри, автора заново отстроенного здания парламента⁷. Школа, основанная Эдуардом VI, имела неплохой постоянный доход от дарственных вкладов и пожертвований, и директора могли позволить себе открывать филиалы в более бедных районах города. Но тем не менее образовательные стандарты самой школы короля Эдуарда, «Высшей школы», не имели себе равных в Бирмингеме, и многие из тех сотен мальчиков, что протирали штаны на ее скамьях, разбирая Цезаря под свистки паровозов под окнами, позднее получали награды в ведущих университетах страны.

К 1900 году школе короля Эдуарда сделалось уже тесновато в старом здании. Там было многолюдно и шумно – устрашающая перспектива для мальчика, выросшего в тихой деревне. Неудивительно, что большую часть своего первого триместра Рональд Толкин не посещал школу по причине болезни. Но постепенно он привык к толкучке и шуму, и ему даже стало нравиться в школе, хотя особых способностей он пока что не проявлял.

А вот домашняя жизнь сильно отличалась от того, к чему он привык в Сэрхоуле. Его мать сняла домик на центральной улице в пригороде Моузли, и вид из окна сильно отличался от уорикширского сельского пейзажа, причем не в лучшую сторону: трамваи, ползущие в гору, унылые лица прохожих, и вдалеке – дымящие трубы фабрик Спаркбрука и Смолл-Хита. Рональду дом в Моузли запомнился как «ужасный». А не успели они устроиться, как пришлось снова переезжать: здание собирались снести, чтобы построить пожарную часть. Мэйбл подыскала жилье меньше чем за милю оттуда в ряду соединенных между собой стандартных домов позади станции Кингз-Хит. Таким образом, они очутились неподалеку от дома ее родителей. Но выбор Мэйбл был продиктован тем, что на той же улице стояла новая римско-католическая церковь Святого Дунстана, снаружи отделанная рифленным железом, а изнутри – смолистой сосной.

Рональд по-прежнему отчаянно тосковал по Сэрхоулу, но новый дом отчасти его утешил. Зады дома в Кингз-Хите выходили на железную дорогу, и жизнь оттенялась ревом паровозов и грохотом товарных вагонов на угольном складе. Однако склоны выемки, по которой проходила железная дорога, поросли травой, и там можно было собирать цветы и травы. И еще кое-что

⁷ Школу, построенную Барри, снесли в тридцатых годах XX века после того, как школа переехала в новый комплекс. – *Примеч. авт.*

привлекало его внимание: странные названия на стенках вагонов с углем, стоявших на запасных путях внизу. Он не знал, как читаются эти названия, но было в них нечто притягательное. Так и вышло, что, пытаясь разобрать слова Nantyglo, Senghenydd, Blaen-Rhondda, Penrhiwceiber и Tredegar, Рональд узнал о существовании валлийского языка.

Когда мальчик немного подрос, ему случилось побывать в Уэльсе. И, глядя на названия проносящихся мимо станций, он видел слова, которые привлекали его больше, чем все, с какими ему доводилось сталкиваться до сих пор, язык древний, и в то же время живой. Рональд попытался разузнать о нем побольше, но все валлийские книги, какие ему удалось добыть, оказались непонятными. Но все же это знакомство, каким бы кратким оно ни было, открыло ему путь в иной языковой мир.

А матери его тем временем не сиделось на месте. Ей не нравился дом в Кингз-Хите, она обнаружила, что ее не устраивает церковь Святого Дунстана. Поэтому она опять пустилась на поиски и снова начала брать сыновей на длинные воскресные прогулки, присматривая храм Божий, который бы ей подошел. И вскоре Мэйбл обнаружила Бирмингемскую Молельню, большой храм в пригороде Эджбастон, находившийся под покровительством общины священников. Неужели среди них не найдется для нее друга и понимающего духовника? Вдобавок при Молельне имела классическая школа Святого Филиппа, которой руководило местное духовенство. Плата за обучение в школе была ниже, чем в школе короля Эдуарда, и к тому же здесь ее сыновья могли воспитываться в католическом духе. Решающим фактором послужило то, что совсем рядом со школой сдавался внаем дом. А потому в начале 1902 года Мэйбл с мальчиками переехали из Кингз-Хита в Эджбастон, и Рональд с Хилари, которым теперь было десять и восемь лет, были зачислены в школу Святого Филиппа.

Бирмингемская Молельня была основана в 1849 году Джоном Генри Ньюменом⁸, в ту пору лишь недавно обратившимся в католическую веру. В ее стенах он провел последние четыре десятилетия своей жизни и умер там же в 1890 году. Дух Ньюмена все еще витал в высоких залах Молельного дома на Хэгли-роуд, и в 1902 году в общине еще оставалось немало священников, которые были его друзьями и служили под его началом. Одним из таких священников был отец Френсис Ксавье Морган, сорока трех лет от роду. Вскоре после того, как Толкины переехали в этот район, он взял на себя обязанности приходского священника и зашел навестить своих новых прихожан. В нем Мэйбл обрела не только понимающего духовника, но и бесценного друга. Отец Френсис Морган, наполовину валлиец, на четверть англичанин, на четверть испанец (семья его матери занимала большое место в торговле хересом), не блистал выдающимся интеллектом, но зато был настоящим кладом доброты, юмора и отличался экспансивностью, которую многие приписывали его испанским корням. Это был человек очень шумный, разговорчивый и эмоциональный. Дети его поначалу побаивались, но, узнав поближе, привязались к нему всей душой. И вскоре отец Френсис сделался неотъемлемой частью дома Толкинов.

Если не считать этой дружбы, жизнь Мэйбл и ее сыновей не намного улучшилась в сравнении с предыдущими двумя годами. Жили они в доме 26 по Оливер-роуд, и дом этот был немногим приличнее трущобы. Вокруг – сплошные нищие переулки. Да, до школы Святого Филиппа была всего пара шагов – но разве можно было сравнить ее голые кирпичные классы с неоготической роскошью школы короля Эдуарда? Да и образовательный уровень уступал «эдуардовскому». Рональд вскоре без труда обогнал своих одноклассников, и Мэйбл поняла, что школа Святого Филиппа не даст ее сыну того образования, которого он заслуживает. Поэтому она забрала Рональда из школы и снова взялась учить его самостоятельно – и не без успеха:

⁸ Джон Генри Ньюмен (1801–1890) – влиятельный церковный деятель и писатель, возглавивший так называемое «Оксфордское движение», направленное на реформацию англиканской церкви в духе католицизма; впоследствии перешел в католичество и стал кардиналом-диаконом.

несколько месяцев спустя он заслужил благотворительную стипендию в школе короля Эдуарда и осенью 1903 года вернулся туда. Хилари тоже забрали из школы Святого Филиппа, но сдать вступительные экзамены в школу короля Эдуарда он пока что не сумел. «Это не моя вина, – писала его мать родственнице. – И нельзя сказать, что ему не хватает знаний; но он вечно витает в облаках и пишет очень медленно». Так что младшего сына она пока что продолжала обучать дома.

В школе короля Эдуарда Рональда приняли в шестой класс, где-то в середине между самым младшим и самым старшим. Теперь он учил греческий. О своем первом знакомстве с этим языком он впоследствии писал так: «Греческий очаровал меня своей текучестью, подчеркиваемой твердостью и своим внешним блеском. Но немалую часть обаяния составляли его древность и чуждость (для меня). Он не казался родным». Шестой класс вел энергичный человек по имени Джордж Бруэртон, один из немногих учителей, которые специализировались на преподавании английской литературы. Этого предмета в программе считай что не было, а то, что было, сводилось к изучению пьес Шекспира. Рональд вскоре обнаружил, что Шекспира он «от души ненавидит». Позднее он вспоминал горькое «разочарование и отвращение своих школьных дней, вызванное тем, как бездарно распорядился Шекспир приходом «Бирнамского леса на Дунсинанский холм». Я жаждал придумать такие обстоятельства, в которых деревья действительно могли бы пойти в бой». Но если Шекспир ему не понравился, то кое-что другое пришлось ему по вкусу. Его классный наставник Бруэртон был прирожденным филологом-медиевистом. Ярый пурист, он требовал, чтобы школьники обходились простыми, старыми, исконно английскими словами. Если, к примеру, мальчик произносил слово «manure» («компост»), Бруэртон немедленно прерывал его:

– «Компост»? Что за «компост»? Это называется – «muck», «дерьмо». Повторите три раза! Дерьмо, дерьмо, дерьмо⁹!

Бруэртон рекомендовал своим ученикам читать Чосера и декламировал им «Кентерберийские рассказы» в оригинале, на среднеанглийском. Для Рональда Толкина это было настоящее открытие, и он решил побольше разузнать об истории языка.

На Рождество 1903 года Мэйбл Толкин писала своей свекрови:

«Дорогая миссис Толкин!

Вы говорили, что Вам куда больше хотелось бы получить в подарок рисунки мальчиков, чем что-нибудь, что они могли бы купить на свои деньги, поэтому они нарисовали вам вот это. Рональд в этом году продвигается просто-таки семимильными шагами, – он устроил целую выставку в комнате отца Френсиса, – с тех пор, как их 16 декабря распустили на каникулы, он трудился не покладая рук. Кстати, я тоже. Надо Вам сказать, что я почти месяц не выходила из дому – даже в Молельню! – но сейчас, в эту мерзкую, сырую оттепель мне полегчало, а поскольку у Рональда каникулы, я могу высыпаться по утрам. Меня по-прежнему неделями мучает бессонница, и вдобавок мне все время холодно и дурно, так что просто сил никаких нет.

Я нашла почтовый перевод на 2/6, который Вы послали мальчикам довольно давно – год назад, если не больше, но он затерялся. Они весь день провели в городе, растратили на подарки эти деньги, и еще чуть-чуть. Все мои рождественские закупки делали тоже мальчики. Рональд способен

⁹ В данном случае проблема состоит в том, что, в то время как слово «manure» – литературное, и притом французского происхождения, слово «muck» не только германское (точнее, скандинавское), выглядящее как исконно английское, но еще и достаточно грубое. Таким образом, достойный наставник готов был пожертвовать благопристойностью ради чистоты английского языка. Исследуя тексты Толкина, мы не раз столкнемся с тем фактом, что он последовательно избавлялся от французских заимствований в своих текстах, невзирая на то, что они вросли в английский язык так же прочно, как вросли в русский язык многочисленные иностранные заимствования.

подобрать подкладку под цвет ткани или оттенки краски для рисунка не хуже настоящей «парижской модистики». Возможно, сказывается кровь предков-мануфактурщиков? В школе он делает большие успехи – греческий он знает лучше, чем я латынь, – говорит, что на каникулах займется со мной немецким, – хотя сейчас мне больше всего хочется прилечь и не вставать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.